

Этот дом, казалось, повторяет судьбу своих «собратьев», построенных когда-то давно в надежде, что в них будут проживать большие семьи, несколько поколений которых, вырастая под одной крышей, назовут их своей малой родиной. И поначалу так и было. Но потом дом стали делить между собой двоюродные и троюродные братья, племянники. В конечном счете он обрёл нескольких хозяев, связанных между собой очень далёкими родственными узами, почти чужих друг другу людей, для которых сам дом стал обузой: избавиться и жалко — всё-таки денег стоит, и сложно — живут далеко, а по большей части хлопотно, некогда. Последнее время жили в доме разные люди, которые приобретали только одну его часть, а потому и не занимались ни восстановлением, ни ремонтом его. Он давал им кров и постепенно разрушался. Проваливались полы, покосились стены, провисла местами крыша, в сильные холода из трубы почти постоянно шёл дым: дом уже не держал тепло, он, как и всякий старик, все время мёрз, теряя жизненные силы. И оказался совершенно заброшен, когда умерла последняя хозяйка.

Теперь дом населяли кошки. Как несколько поколений Бэрриморов проживало и служило в Баскервиль-холле, так и в этом доме проживали, верой и правдой ловили мышей несколько поколений кошек и котов. За это они были иногда обласканы хозяевами, а порой и накормлены. Теперь же их жизнь изменилась. Надо было надеяться только на себя, сердобольных прохожих, нет-нет да и подбрасывающих какой-либо корм через калитку, да на соседей, чей дом стоял окна в окна через дорогу.

Сева с женой приобрели этот дом напротив по случаю. Им давно хотелось иметь участок в черте города, чтобы проводить там в обычных садово-огороднических заботах непредсказуемое северное лето. Дом продавали наследники

КОШКИН ДОМ

РАССКАЗ

Сергей ЩУКОВСКИЙ
г. Беломорск

дальних родственников. Судьба его была бы повторением судьбы дома напротив, если бы Сева не довёл дело до конца. Он восстановил все документы, отыскал всех возможных собственников, и сделка купли-продажи была оформлена по закону. Они отстроили дом, поставили баню и, как только это стало возможно, сделали его, как сказал Сева, «своей летней резиденцией».

Потянулась обычная дачная жизнь. Разработка грядок, посадка саженцев кустов и деревьев, установка теплиц и получение того несказанного удовольствия, которое даёт своя баня. Через несколько дней к ним нагрянула в гости «соседка» — пушистая серая кошка с добрыми и умными глазами. По всему было видно, что кошка общалась с людьми, не была пугливой и позволяла себя гладить. Севина жена Наташа покормила кошку, и та с достоинством удалилась. Потом они видели её то в окнах дома напротив, то на крыше веранды, где она восседала с другими полосато-хвостатыми обитателями.

Кошка стала приходить каждый день. Она тёрлась об ноги Севы и Наташи, то ли считая их своими новыми хозяевами, то ли добрыми соседями-друзьями, толкалась головой в протянутую руку, требуя, чтобы её погладили. Наташа назвала её Муськой, и кошка благосклонно приняла это имя и стала откликаться на него. Возможно, её и звали так с момента рождения, а может, всё случилось по принципу: кто кошку кормит — тот её и именует. Так или иначе, но Муська очень быстро стала в соседнем дворе «своей». Её даже зазывали покушать, если вовремя не появлялась, благо «проживала» она неподалёку: только услышит призыв — сразу проторенной тропкой по одной ей известным лазейкам в заборе мчалась к уже приготовленной кормушке. Скоро вместе с ней стали приходить и другие обитатели дома: гладкошёрстная маленькая кошечка, получившая имя Мурка, и длинноногий кот-подросток Барсик. Барсик был очень общительный, не боялся людей, но, как и всякий кот «на вольных хлебах», гулял сам

по себе, не особо соблюдал расписание кормёжек и заявлялся когда ему заблагорассудится. Мурка была наполовину дикой. Могла сидеть долго напротив Севы и смотреть на него, когда он на крыльце пил в жаркий день пиво и за неимением других собеседников разговаривал с кошкой. У Мурки были большие глаза и очень симпатичная мордашка. Она была молчалива и никогда не требовала голосом еду, только пристально смотрела и выжидала. Казалось, она понимала, что такое «расстояние вытянутой руки», и никогда не нарушала его, не доходя буквально нескольких сантиметров до «опасной черты». Видно, что в своей недолгой кошачьей жизни она не видела от людей ни любви, ни добра.

Так продолжалось всё лето и осень. На зиму Сева и Наташа переезжали на «зимние квартиры». Но, как сказал Лис Маленькому принцу, мы в ответе за тех, кого приручили. Это один из тех вечных законов, который необходимо соблюдать, если ты хочешь оставаться человеком. Зимой каждый день добрые соседи приходили кормить кошек, а в сильные морозы Наташа варила для них овсяную кашу с рыбой и давала ещё тёплой. Но всё равно за зиму пропала Муська. По кошачьим меркам, она находилась уже в преклонном возрасте, тем не менее кошку было жалко. Сева и Наташа ещё долго вспоминали о том, какой она была ласковой, и ставили её в пример пугливой Мурке, которая так и держалась на расстоянии, но регулярно приходила столоваться.

Следующей весной на крышу веранды соседнего дома вслед за Муркой выползли греться на солнце два котёнка: беленький «мальчик» и серо-бело-рыжая «девчушка». Мурка теперь приходила за едой, и, если это была рыба, кусок колбасы или куриная кожа, она уносила её с собой — кормить котят. Заботливая мамаша, она могла сделать несколько «рейсов» подряд, пока малыши не будут сыты. Так они и жили: резвились в солнечную погоду на крыше веранды, а в дождливую сидели в доме и смотрели в окно на

окружающий их мир, и только Мурка периодически посещала соседний двор.

Вскоре вслед за Муркой к соседям заявлялась маленькая цветная кошечка, которая тут же получила прозвище Дуська, она вела себя так же осторожно, как и мать. «Ты тоже полудичка? — спросила Наташа. — Всего боишься? А куда делся твой братец?» Белого котёнка они так и не нашли, очевидно, пал жертвой в собачье-кошачьем конфликте.

Дуська обвыклась и стала не в пример матери подавать голос. Правда, голосок её был едва слышен. Наверное, сказывались тяжёлые условия жизни в неотапливаемом доме. Иногда в эту компанию навевывался Барсик, требуя свой кусок от «общего пирога». Он был гуляка и охотник и потому весело проводил время, путешествуя по местным домохозяйствам, где обитали домашние и полудомашние кошки и собаки. С последними он ни в общение, ни в конфликты не вступал, предпочитая ретироваться при их появлении. Так и остался Барсик в этой истории «блудным сыном», периодически появляющимся, чтобы «засвидетельствовать своё почтение» перед очередным длительным «загулом». И в конце концов в очередной раз он просто не пришёл. То ли нашёл новое постоянное пристанище, что сомнительно, учитывая его свободолюбивую натуру, то ли не успел увернуться от какого-то чересчур проворного пса.

В очередную зиму сгинула беременная Мурка. Сева с Наташей ходили около «кошкиного дома», звали её, кискикали, но всё напрасно. Это была ещё одна закономерная потеря, печальная и удручающая. А весной на крыше веранды в лучах яркого солнца красовалась Дуська в окружении трёх очаровательных котят: рыже-белого, рыжего и серого. Она, как и её мать, таскала им еду, и Сева с Наташей ни разу не видели, чтобы она ела сама. Пришлось пойти на хитрость и купить жидкий корм, который ни одна даже самая хитроумная кошка не сможет утащить, и Дуська с удовольствием поела. Затем ей была

вручена плотица, — Севин рыбацкий трофей, — которую она тут же унесла котяткам.

Наташа сделала вылазку в заброшенный «кошкин дом» и вернулась оттуда, неся в пригоршне маленький пищащий комочек.

— Я только зашла — он вышел навстречу, — сказала жена Севе в своё оправдание, — как же оставить такого махонького...

«Махонький» оказался бело-рыжим котёнком мужского пола, которого Сева тут же нарек Семёном Семёновичем в честь героя фильма «Бриллиантовая рука».

— Будешь Семёном Семёновичем, — торжественно сказал Сева котёнку, который тарачил на него свои жёлтые глаза и пищал, — так что береги хвост, Сеня!

Сеня был помещён в зимнюю шапку-ушанку, где он на время затих. Правда, ночью этот новый житель выползал из своего убежища и, попутешествовав по комнате, забивался под диван. Когда Наташа доставала его оттуда, он пытался шипеть и плевать. Но очень скоро понял, что вытащил в своей кошачьей жизни счастливый лотерейный билет: стал сам проситься на руки, а если его не брали, пытался запрыгнуть. Сеня быстро привык к лотку, очевидно, чтобы не огорчать своих новых «родителей», которые не знали, как ему ещё угодить. Они кормили его отварной куриной грудкой и рыбой без костей. Сеня полюбил рыбу тресковых пород. От корюшки и окуней решительно отворачивался, предпочитая им филе минтая. А когда Сева разделявал за столом очередной рыбацкий трофей — щуку или судака — Сеня запрыгивал к нему на колени и терпеливо ждал своего кусочка «филешки». Ел только с миски или с пола: со стола это беспородное создание никогда ничего не таскало. Сене были сделаны все прививки и оформлен ветеринарный паспорт. Паспорт был на двух языках: русском и английском, так что кот, в отличие от своих хозяев — а они не имели загранпаспортов, — мог претендовать на поездку даже в дальнее зарубежье.

Но, как говорится, за всё надо платить. И в обмен на все прелести и блага, вдруг неожи-

данно свалившиеся на него, Сене пришлось пожертвовать своим «мужским достоинством». Улица всё равно его звала, но только с исключительно познавательной целью и по поводу отправки естественных надобностей. Гулять Сеня выходил на шлейке, которую воспринимал абсолютно необходимой вещью для прогулок, чем-то вроде парадного костюма или галстука. Важно пообщавшись с ближайшими родственниками — матерью Дуськой, серым братцем, наречённым Мурзиком, и пушистой рыжей сестрицей Стешкой — он направлялся по своим делам.

Стешка сначала была названа Иннокентием. Сева посчитал, что это кот и лучшего имени, чем Кеша, не найти. Но, как позже выяснилось, Кеша оказался кошкой. Поскольку она уже привыкла к этому сочетанию звуков и откликалась на них, была переименована в Стешу. Переименование прошло без обид и демонстраций недовольства. Главное, что режим питания не изменился. Стеша облюбовала себе место на стеллаже, который стоял во дворе около окна, и теперь постоянно заглядывала через стекло к Севе и Наташе, напоминая о своём существовании. Через окно она общалась с Сеней. Тот прыгал, бил по стеклу лапами, а она смотрела спокойно, словно знала о своей недостижимости.

Сеня, в отличие от своих сородичей, вырос в довольно крупного кота. То ли сказались идеальные условия жизни и полноценное питание, то ли вдруг сработали какие-то таинственные гены, долго пребывавшие в спящем состоянии в этом кошачьем семействе. Так или иначе, Сеня был внешне не очень похож ни на Мурзика, ни на Стешку. Он вёл себя по отношению к ним дружелюбно.

В очередную зиму коты осиротели: пропала Дуська. Видать, истратила все отпущенные ей девять кошачьих жизней. Через некоторое время исчезла Стеша. Её место на полке стеллажа перед окном занял Мурзик. Для него специально покупался корм. А так как Мурзик общался на прогулке с Сеней, и ему капали на холку препараты от паразитов. Мурзик сам установил режим трёхразового питания:

он приходил утром, в обед и вечером. А иногда весь день проводил во дворе на своей любимой полочке. Так шли дни за днями. Кошачий дом опустел. Его последний обитатель — Мурзик — большую часть времени проводил у соседей через дорогу, в доме он только ночевал и иногда скрывался в непогоду.

В один из таких обычных дней Сева копался в теплице: в этот год почему-то желтели и загнивали завязи на огурцах. Была просмотрена масса информации, которую предлагает интернет. В ход пущены различные подкормки: от золы до дрожжей, опробованы разные схемы полива, но завязи продолжали желтеть и гнить. Сева пришёл к выводу, что виновата резкая смена температур: лето действительно выдалось не ахти. Он обрезал пришедшие в негодность завязи, когда прибежала испуганная встревоженная жена:

— Там Мурзик умирает! Его, наверное, загрызли собаки!

— Заводи машину, повезём в лечебницу!

Пока Сева переодевался, Наташа схватила висевшее во дворе покрывало и закутала в него кота. Взяв на руки дергающееся тельце бедного животного, Сева сел в машину. Не было видно ни крови, ни каких-либо внешних повреждений, но то, что кот доживал последние минуты, стало очевидно сразу. Он иногда похрипывал, тяжело дышал. «Потерпи, Мурзик, сейчас приедем», — всю дорогу приговаривал Сева. Наташа гнала машину настолько быстро, насколько это было возможно в условиях города.

Молоденькая врач осмотрела кота и сделала неутешительный вывод:

— Он обречён. Это отравление. Скорее всего крысиный яд.

Она сделала пару уколов, постоянно слушая, как бьётся сердце животного.

— Но он вчера вечером был совершенно здоров, — сказала взволнованная Наташа, — он уличный, приходит к нам во двор, и мы его подкармливаем.

— Странно, — проговорила врач, — судя по внешнему виду, у него запущенная инфекция и скорее всего отравление.

— И что же делать? — понимая всю безвыходность ситуации, спросил Сева.

— Будете делать уколы через каждые шесть часов? — врач внимательно посмотрела на расстроенных супругов. Несмотря на молодость, ей уже приходилось бывать в подобных ситуациях и каждый раз было жалко и животных, и их расстроенных хозяев. Но сейчас она смотрела ещё и с любопытством: люди привезли бродячего кота и готовы оплатить не совсем дешёвое лечение.

— Будем, — сказал твёрдо Сева, — а какие шансы?

— Никаких, — врач ещё раз послушала сердце, — он умирает.

Протянулась самая долгая минута в жизни. Сева готов был забрать кота, купить лекарства, но тут прозвучал голос врача:

— Сердце остановилось. Он умер.

Сева оплатил оказанные услуги, а Наташа в это время завернула бедного кота в покрывало. Дорогой решили похоронить Мурзика во дворе «кошкиного дома», на «родине».

Начался дождь. Сева с Наташей пробрались во двор заброшенного дома. Нескошенная трава давно вымахала в пояс. Выбрали место, где последнее пристанище животного никому бы не помешало. Сева выкопал ямку и положил туда маленькое тельце, завернутое в покрывало...

На душе было мутно. В доме стояла тишина. Даже Сеня, словно что-то чувствуя, не бегал и не резвился. Он поднялся в мансардный этаж и там притих. Сева отгонял от себя эту навязчивую картину, но перед глазами всё равно был умирающий кот, который похрипывал и бился в конвульсиях.

— Да, жалко Мурзика, — в очередной раз произнёс Сева.

Дождь кончился. Выглянуло солнце. На крыше веранды «кошкиного дома» заиграли капли воды. Искрящее разноцветное зрелище притягивало взгляд, но там не было котов. Вернее, не было последнего жителя этого дома — Мурзика. Он всегда появлялся погреться на солнышке или приходил во

двор к соседям и запрыгивал на свою любимую полку перед окном.

Пора было готовиться к обеду. Наташа пошла на огород за зеленью и вернулась с широко раскрытыми глазами:

— Сева, там Мурзик пришёл!.. Обедать!

Мурзик как ни в чем не бывало сидел на крыльце и ожидал свою пайку.

— Ах ты, бродяга, — сказал Сева, — всегда знал, что у котов девять жизней, а вот наглядно убедился в этом впервые. Кого же мы закопали? — спросил он у жены.

— Но он был так похож на Мурзика, — как бы оправдываясь, сказала Наташа, — я растерялась.

— Ну а если бы ты знала, что это не Мурзик, не повезла бы его в лечебницу?

— Повезла бы.

— Значит, всё сделали правильно.

Мурзик поел, казалось, с ещё большим аппетитом, чем раньше, и разлёгся на стеллаже.

«Кошкин дом» смотрел окнами с разбитыми стёклами на соседний двор, где нашёл временное пристанище его последний обитатель — серый кот Мурзик.

СПАСИБО ЗА ПОБЕДУ!

Рассказ

На большом цветном экране телевизора министр обороны принимал парад на новеньком «Аурусе». Под бравую музыку духовых оркестров маршировали войска и шла техника. На трибунах среди официальных лиц и почётных гостей находились ветераны Великой Отечественной войны, их было немного. Любой из них практически приблизился к своему вековому юбилею.

Каждый год 9 мая, перед тем как пойти на торжественное возложение цветов в городской парк, Сева смотрел репортаж о военном параде на Красной площади. Он смутно помнил из далёкого детства, как кто-то из маршалов Победы в бытность министром обороны СССР выезжал из кремлёвских во-

рот на коне и торжественно принимал парад на экране старенького чёрно-белого телевизора «Беларусь». А может, Севе в силу своего возраста только казалось, что он мог видеть это в дни праздника?.. Возможно, то были кадры кинохроники. Но всё, что связано с войной, настолько органично срослось с памятью поколения Севы, что у него не было даже малейшего сомнения: он видел по телевизору в возрасте трех-четырех лет маршала Будённого на трибуне Мавзолея. Родившись через двадцать лет после войны, в тот год, когда праздник Победы был впервые объявлен выходным праздничным днём, Сева навсегда включил его в свои любимые и самые главные события. Он с детства любил яркие праздники: флаги, шары, цветы и салют, а ещё чтобы было много празднично одетых людей, доброжелательных, улыбающихся, с хорошим настроением. С восхищением Сева смотрел на многочисленные тогда ещё ряды ветеранов в День Победы, когда они шли по улицам города к парку — месту митинга. И вместе со всеми замирал в «минуту молчания», вздрагивая при звуках залпов оружейного салюта. Выстрелы всегда неожиданно разрывали тишину парка, поднимая птиц, дальше были сухие щелчки передёргиваемых затворов, и снова в небо уходили отголоски далёкой войны. А затем маршировали подразделения ПВО и матросы Северного флота, чьи войсковые части находились на территории города.

С тех пор минуло много лет, но День Победы остался для Севы любимым праздником. Не так ярко воспринимался уже день рождения. После юбилейного пятидесятилетия он вовсе перестал радовать. А Новый год — праздник детства — вместе с днём рождения только отсчитывал годы. И только День Победы оставался таким же празднично-торжественным, как в детстве. Правда, не было уже стройных рядов ветеранов. Не было войск местного гарнизона — вместо них маршировали теперь юнармейцы. Но оставался дух праздника, оставалась сопричастность Победе и осознание себя хранителем традиций.

Всеволоду казалось, будто каждый человек, который сегодня пойдёт на торжественное возложение венков и цветов в городской парк, понимает, что он хранитель традиции и должен дальше передать это ощущение праздника и чувство благодарности по какой-то незримой эстафете, у которой нет финишной черты.

— Собирайся быстрее, — сказала Севе жена, — а то опять опоздаем и будем бежать.

— Я готов давно, — тут ж откликнулся Всеволод, — это ты сейчас начнёшь наносить «последние штрихи», и мы опоздаем.

— На этот раз я тоже готова. — В дверях Наталья стояла в плаще: небо с утра хмурилось. На плаще ярко выделялась георгиевская лента.

— А мне? — вдруг вспомнил Сева про георгиевскую ленту: она была приколата к его пиджаку ещё накануне.

Перемещение одного из главных символов праздника с пиджака на ветровку заняло несколько минут. Сева покрутился перед зеркалом, рассматривая ленточку с разных ракурсов, и, убедившись, что она расположена идеально ровно, достал из вазы букет красных гвоздик, приобретённых накануне:

— Пошли.

Они вышли в подъезд и стали спускаться вниз.

В былые годы Севка бежал вниз через три-четыре ступени и дожидался родителей во дворе. А из подъезда в это время выходили степенно такие всегда знакомые и такие необычно торжественные в этот день соседи. На пиджаке дяди Вани из квартиры напротив — он работал вместе с Сёвиным отцом — сверкали орден Славы третьей степени, медали «За взятие Кёнигсберга» и «За победу над Германией». У дяди Коли, который тоже проживал вместе с ними на одной лестничной площадке, теснился ряд орденских планок. Тихая, неприметная в повседневной жизни бабушка Аня с первого этажа прошла всю войну связисткой, и боевые награды так же сверкали на её стареньком жакете. Из соседнего подъезда важно выходили Иван Ми-

хайлович и Мария Александровна. Они познакомились во время войны и даже вдвоём расписались на стене Рейхстага... Так из всех четырёх подъездов большого дома выходили соседи, большинство из которых выделялось в числе прочих боевыми наградами. Это были ещё не старые, крепкие люди. Они весело шутили, пожимали друг другу руки, поздравляли с праздником, нисколько не подчёркивая своё особое место в происходящем. Они были как все, только взрослее. Лишь во время «минуты молчания» их взгляд становился более хмурым, а на глазах порой наворачивались слёзы...

Всеволод с женой вышли из подъезда. Грустная пустота двора. Где-то далеко звучала музыка: крутили песни военных лет. По центральной улице шли люди — где компаниями, где парами, где поодиночке. Нарядные, в руках — цветы. Движение было перекрыто, и поток двигался к главпочтамту, там формировалась праздничная колонна. Приветствуя знакомых и не совсем знакомых людей, поздравляя всех с праздником, шли по краю проезжей части. Солнце пробивалось сквозь тучи, обещая неплохой день. Вообще-то, в здешних местах так заведено: если на первое мая хорошая погода, то на девятое жди дожди. В этом году на первое дождало, потому и сегодняшние утренние тучи не вызывали особого опасения. Ветер, правда, был достаточно свежий, что неудивительно: Белое море сверкало вдали, если смотреть с моста, на который Всеволод с Наташей только что поднялись.

И вдруг их обогнал карапуз с воздушными шарами в руке, встал перед ними и, глядя Севе прямо в глаза своими большими, широко раскрытыми миру глазами, громко выпалил:

— Спасибо за Победу!

Сева опешил. Вот те раз, такое случается с ним впервые в жизни. Родившийся через двадцать лет после Победы, он сегодня выглядел, очевидно, не очень убедительно. Но и малыша понять можно. Воспитанный в уважении к старшим, он увидел мужчину с

поседевшей головой и абсолютно седыми усами и посчитал его тем самым ветераном, о котором ему, верно, много рассказывали родители или воспитатели в детском саду.

Сева не знал, что сказать, а малыш явно ждал ответа. Очевидно, посчитав, что «дедушка» не расслышал, повторил:

— Спасибо за Победу!

Сева ни в коей мере не собирался присваивать себе Победу, но и заниматься разъяснительно-воспитательной работой на улице тоже посчитал неправильным, поэтому он просто ответил:

— И тебе спасибо, дорогой.

Сказал и подумал: «А ведь это наша общая Победа. И моя, и его». А обратившись к жене, спросил:

— Наташа, неужели я так плохо выгляжу?

— Нет. Что ты! Просто в представлении этого ребёнка мы можем быть даже ветеранами чапаевской дивизии, — улыбнулась жена.

— Точно, я — Петька, а ты — Анка! — эта шутка вернула Севу в прежнее состояние равновесия.

На площади около главпочтамта, как всегда, суетился ответственный человек из районной администрации, выстраивая колонну.

В былые времена этим занималась инструктор районного комитета партии — женщина энергичная и политически подкованная. Она досконально знала, как должна выглядеть идеологически выдержанная колонна. Сначала шли ветераны, неся в руках длинную гирлянду из еловых веток, переплетённую красной лентой. Затем партийные и советские работники, представители трудовых коллективов, школ, а затем — неорганизованное население, из которого энергичный инструктор формировала стройные ряды. Отдельно маршем проходили военные в сопровождении собственного духового оркестра.

Теперь же колонну выстраивали из юнармейцев, представителей православной церкви и всех остальных. Главное, чтобы это было более-менее организовано и в общей массе своей не напоминало толпу. Значимое явле-

ние последних лет — шествие Бессмертного полка — отменили по эпидемиологическим соображениям. А жаль. Конечно, Бессмертный полк не мог заменить ушедших из жизни ветеранов. Но благодаря ему в этот день рядом шли ветераны, их боевые товарищи и родные, — все, оставшиеся на полях войны. С фотографий, старых, отретушированных, смотрят люди в армейских гимнастёрках, не всегда на них есть медали и ордена, погоны и звёздочки. Порой только ромбы, кубари и пустые петлицы. А рядом с современных цветных фото взирают их боевые друзья в парадных костюмах со множеством наград; им больше повезло в жизни, с боями они дошли до Победы, увидели родных, вырастили детей и внуков. В такие моменты ощущаешь не только сопричастность этой Победе, но и свою ответственность за неё, за сохранение памяти о ней. Пусть всегда очередному карапузу будет кому сказать: «Спасибо за Победу!»

Движение, начавшееся по сигналу всё того же ответственного человека из местной администрации, сопровождалось разговорами людей, казалось, не видевшихся друг с другом лет сто. У них за это время накопилась масса вопросов и ответов, а также различных новостей. Общий праздник, как и общее дело, всегда единит. На подходе к парку люди замолкают, проходят по дорожкам и занимают места, примеченные ими за многие годы.

В детстве во время митинга Севка далеко не отходил от родителей, боясь затеряться в многочисленной толпе. К тому же, подняв голову, в силу своего ещё малого роста он видел только кусочки неба и кроны деревьев. Тогда отец брал его на руки и сажал себе на шею. Обзор был отличный! Севка видел всех выступающих и даже солдат, которые готовились к торжественному оружейному салюту. Сам салют, как и «минуту молчания», он встречал стоя на земле. После митинга Сева с родителями шёл в гости к маминой тётке Лиле. У неё был двойной праздник. Тётя Лиля родилась девятого мая, а в сорок пятом году в день своего рождения она встретила Победу

в рядах действующей армии. Тётя Лиля была машинисткой в эскадрилье, где служил её муж — капитан, штурман полка. Севка не был с ним знаком: brave ветерана-лётчика не стало задолго до его рождения. Но зато каждый год на девятое мая гости собирались у тётки Лили, ели торт и другие вкусности, рассматривали награды капитана-лётчика — ордена Красного Знамени, Красной Звезды и медали. У самой тётки Лили была одна медаль — «За победу над Германией». Далее Севка узнал, что многие фронтовики возвращались с одной-двумя медалями, а то и без них. Потом они уже «обрастали» различными юбилейными наградами. Говорят, что некоторые ветераны не любили их и не носили рядом с боевыми.

Став старше, Сева начал «путешествовать» во время митинга по парку, встречаясь с друзьями-приятелями. Но свято соблюдал правила «минуты молчания».

Однажды и Сева получил подарок на этот праздник. В честь сороковой годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне ему, ефрейтору и старшему радиотелеграфисту радиоразведки и пеленгования автоматических радиопередач, за успехи в боевой и политической подготовке был предоставлен отпуск сроком на десять суток, не считая дороги.

В течение последних десяти — двадцати лет городской парк преобразился. Стараниями совета ветеранов войны и труда, при активном участии населения в парке был сооружён монумент — памятник жителям города, не вернувшимся с войны. Центральное место занимает большой бронзовый венчик. Провинциальный маленький городок не мог позволить себе Вечный огонь, и венчик стал ему достойной заменой. На чёрных гранитных плитах выбиты фамилии. На одной из плит — фамилия старшего брата Севиного отца. Он ушёл на фронт в восемнадцать лет, в 1943 году, и в том же году был убит под городом Ровно. У Севиной бабушки, его матери, хранилась похоронка, где было указано место захоронения — «братская мо-

гила, д. Берлин». «Вот такая ирония судьбы, — позже подумал Сева, — дядька всё-таки дошёл до Берлина». О том, что брат отца погиб на фронте, Сева знал с детства. Знал он и то, что во многих семьях были либо погибшие, либо участники войны. Но когда у тебя появляется свой герой, ты по-другому воспринимаешь слова о «бессмертном подвиге народа».

Много позже на интернет-сайтах «Подвиг народа» и «Память народа» Сева нашёл описание подвига и приказ о награждении дяди медалью «За отвагу». Приказ вышел через несколько дней после его гибели в очередной атаке. День Победы приобрёл для Севы особую значимость, дополнительно он стал и его личной историей. Каждый раз девятого мая Всеволод клал на плиту с фамилией дяди две красные гвоздики. А когда было шествие Бессмертного полка, Сева с матерью и женой шли в одном полку с дядей Николаем, тётей Лилей, её мужем Иваном и Наташиным дедушкой Павлом, воевавшим на Северном флоте. Фотографии на самодельных штандартах медленно плыли над людским морем... Они в этот момент были между небом и землёй, они были с ними...

Торжественный митинг по-современному сопровождался военными песнями, театрализованным представлением и молебном.

Как обычно, в объявленную «минуту молчания» прозвучал троекратный залп оружейного салюта. Сева вздрогнул, как в детстве. Затем началось возложение венков представителями трудовых коллективов и цветов — жителями города. Сева с Наташей медленно прошли вдоль мемориала и остановились у памятной плиты. Сева знал теперь, какие слова он должен сказать своему дяде, который остался там, в 1943-м, в возрасте в три раза младше теперешнего возраста своего племянника, — остался, чтобы племянник родился, вырос, ощущал свою сопричастность их общей Победе и пронёс это чувство через всю свою жизнь.

— Спасибо за Победу, — сказал, склонившись к гранитной плите, Сева и положил рядом с фамилией красные гвоздики.

Сергей Валентинович ЩУКОВСКИЙ

родился в 1965 году в г. Беломорске. Окончил Петрозаводский

государственный университет, филолог. Директор районного

краеведческого музея «Беломорские петроглифы».

Пишет прозу, стихи. Печатался в журнале «Север», коллективных

сборниках, альманахах и др. Автор книг «Игры для детей старшего

возраста», «Где прячутся увиденные сны». Финалист поэтического

конкурса международного литературного фестиваля «Славянская лира»

(2023).

